

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'25

К проблеме перевода реалий
в художественном тексте**Н. Ю. Ивойлова, А. А. Смирнова***Ярославский государственный университет**им. П. Г. Демидова**E-mail: Ivoling@yandex.ru, Nastia.smirnov2014@yandex.ru**Научная статья*

Статья посвящена проблеме перевода реалий в художественном тексте. Рассматриваются история вопроса, понятие реалии, ее характеристики и способы перевода. Проводится анализ перевода реалий в художественном произведении на основе теории диктемного строя текста.

Ключевые слова: реалия; художественный перевод; адекватность перевода; диктема; контекст

On the Issue of Culture-Specific
Items in Literary Translation**N. Yu. Ivoylova, A. A. Smirnova***P. G. Demidov Yaroslavl State University**Scientific article*

The article is devoted to the problem of culture-specific items in literary translation. The background of the issue, the notion and the main characteristics of culture-specific items and the ways of their translation are examined. Dicteme-based analysis of text fragments is presented.

Key words: culture-specific items; literary translation; adequacy of translation; dicteme; context

Вопросы переводимости текста составляют важное направление развития современного переводоведения. Для переводчика художественной литературы одной из проблемных с точки зрения переводимости лексических групп традиционно считаются реалии.

Перевод реалий – это часть большой и важной проблемы передачи национального и исторического своеобразия, которая восходит к самому зарождению теории перевода как самостоятельной дисциплины. Начало исследования проблемы реалий связано с именами таких выдающихся лингвистов, как Ю. Найда, Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне, О. Каде, В. Коллер, П. Ньюмарк и др. Среди современной зарубежной литературы по данной теме следует отметить работы Дж. Ханта, Дж. Лича, К. Саявара, Б. Стрита и др. На сегодняшний день в зарубежной научной литературе наиболее общепризнанными терминами считаются «culture-specific items», а также «Realie» (Германия).

В отечественном языкознании накоплен богатый материал, содержащий разноаспектные описания реалий. Выработано множество совпадающих либо близких по значению терминов: безэквивалентная, неполноэквивалентная лексика (Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. Н. Крупнов), лакуны (В. А. Муравьев, Ю. А. Сорокин), фоновая лексика (Г. Д. Томахин, Ю. А. Воробьев, В. В. Ощепкова), национальные словесные образы (В. В. Ощепкова), экзотическая лексика, экзотизмы (В. П. Берков, А. Е. Супрун), лингвокультурема (В. В. Воробьев), локализмы (А. М. Финкель), «варваризмы» (Реформатский), бытовые слова и др.

Термин «реалия» для обозначения национально-специфичного объекта или явления в отечественную теорию и практику перевода ввел в 1941 г. А. В. Фёдоров; его

Для цитирования: Ивойлова Н. Ю., Смирнова А. А. К проблеме перевода реалий в художественном тексте // Социальные и гуманитарные знания. 2017. Том 3, № 2. С. 183–187.

For citation: Ivoylova N. Yu., Smirnova A. A. On the Issue of Culture-Specific Items in Literary Translation. *Social'nye i humanitarnye znaniya*. 2017; 3 (2): 183–187. (in Russ.)

значение быстро распространилось и на слова, обозначающие данные объекты. Вопросы сущности, классификации, перевода реалий рассматривались такими крупнейшими отечественными теоретиками перевода, как А. Д. Швейцер, Л. С. Бархударов, Я. И. Рецкер и др.

В современном переводоведении традицию исследования реалий продолжают Л. Л. Нелюбин, Г. Т. Хухуни, Н. Н. Миронова, И. Н. Бугулов, И. А. Быкова, Л. В. Малаховский, Л. Т. Микулина, О. А. Бурукина. Сегодня в центре внимания оказываются культурные аспекты перевода, контексты, в рамках которых он осуществляется. Подчеркивается роль перевода как средства интерлингвистической и кросс-культурной коммуникации. Реалии изучаются с позиции эволюции переводческих принципов (Ю. А. Зеленкова), как один из компонентов безэквивалентной лексики (Е. Л. Жених), исследуется их функциональная принадлежность: индийские реалии в английском тексте (Е. Ю. Пугина), поместные реалии (И. В. Плоткина), рыцарские реалии (Л. Ю. Титова); реалии анализируются как языковые единицы, в которых проявляется своеобразие национальной культуры: реалии кельтской культуры (Е. И. Абрамова, В. В. Ощепкова), реалии тематической группы «Пища» в современном немецком языке (Ю. А. Воробьёв); анализируются способы передачи одной и той же реалии средствами разных языков (Ю. А. Зеленкова, А. В. Новикова), исследуются проблемы реалий на материале переводов одного и того же романа, выполненных в разное время, (Е. В. Сорокина) и т. д.

В «Толковом переводоведческом словаре» Л. Л. Нелюбина дается следующее определение реалий: «1. Слова или выражения, обозначающие предметы, понятия, ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке. 2. Разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой и переводоведением, такие как государственное устройство данной страны, история и культура данного народа и т. п., с точки зрения их отражения в данном языке. 3. Предметы материальной культуры, служащие основой для номинативного значения слова. 4. Слова, обозначающие национально-специфические особенности жизни и быта» [1, с. 256].

Таким образом, термин сохраняет многозначность и отражает как слово, так и его референт. Тем не менее в транслатологических исследованиях на первый план выходят первое и четвертое значения.

Несмотря на более чем полувековую историю исследования реалий, до сих пор нет единого мнения относительно ее языковой формы. Например, Г. Д. Томахин считает, что, помимо отдельных слов и сокращений (аббревиатур), к реалиям относятся цитаты, крылатые слова и выражения, то есть, как он их сам называет, «реалии афористического уровня» [2, с. 10].

Большинство других авторов, рассуждая о том, к какой категории языковых средств отнести реалии, говорят о словах, добавляя иногда словосочетания, к чему присоединяются и болгарские исследователи С. Влахов и С. Флорин [3, с.19]. Мы будем рассматривать реалии согласно С. Влахову и С. Флорину как слова (в подавляющем большинстве случаев имена существительные) и номинативные словосочетания.

Вопрос о способах передачи реалий при переводе также остается открытым, что в значительной степени связано с расхождениями в терминологии. Достаточно обоснованной представляется, в числе прочих, классификация Г. Д. Томахина, называющего пять основных способов передачи иноязычных реалий: 1) транслитерация и транскрипция; 2) калькирование; 3) описание или разъяснительный перевод; 4) приближенный (приблизительный) перевод; 5) трансформационный (контекстуальный) перевод [2, с. 31].

Наименее разработанным, несмотря на имеющиеся исследования, считается вопрос о стратегиях и принципах перевода реалий, о критериях выбора переводческого решения. Помимо трудностей, связанных с распознаванием реалий в тексте, переводчик художественной литературы должен каждый раз, фигурально выражаясь, находить верный путь между Сциллой и Харибдой.

С одной стороны, реалии придают тексту характерную окраску, национальный или исторический колорит, без которого произведение обезличивается, теряет краски. С другой стороны, автор произведения использует реалии своего языка наряду со всеми прочими словами, они могут нести большую или меньшую семантическую и стилистическую

нагрузку. Привлечение к ним усиленного внимания читателя может нарушить соответствие между формой и содержанием, которого требует адекватный перевод [3, с. 95].

В исследовании данной проблемы может оказаться полезным использование теории диктемного строя текста, разработанной выдающимся отечественным лингвистом М. Я. Блохом. Диктема – «элементарная тематическая (тематизирующая, топикальная) единица связной речи» [4, с. 120]. Понятие диктемы было выдвинуто М. Я. Блохом в связи с научной дискуссией о коммуникативных единицах языка. Оно развивает и преобразует выработанное в отечественном языкознании понятие сверхфразового единства, или сложного синтаксического целого. Несмотря на закономерную историческую связь между указанными понятиями, между ними имеются принципиальные различия: «...сверхфразовое единство в контексте выделивших его работ **не имеет уровнеструктурного определения**, а диктема, напротив, раскрывает свои свойства в качестве естественной составной части реверсивно-определенной уровневой структуры языка. Как составная часть этой структуры (при этом уровнеобразующая составная часть на верхнем ярусе сегментной языковой иерархии) она строго отвечает принципу построения из «одной или нескольких единиц непосредственно нижележащего уровня», т. е. из **одного или нескольких предложений**. Как составная часть этой структуры она выделяется своей четкой функцией, не сводимой к функциям нижележащих единиц, но вбирающей в себя эти функции в рамках своего собственного, интегративно-текстового назначения выражать определенную тему. Это значит, что вне диктемы, т. е. вне диктемного строения, текст как непосредственный продукт речевой деятельности существовать не может» [5, с. 61].

Диктема – это универсальная единица текста, как устного, так и письменного, в любых его стилистических разновидностях. В равномерно разворачивающемся письменном монологическом тексте диктема, как правило, представлена абзацем (однако абзац может включать в свой состав более чем одну диктему), в диалогической речи, как правило, – целой репликой.

Именно в диктеме через составляющие ее предложения реализуются такие важнейшие функционально-знаковые аспекты речи, как номинация, предикация, тематизация и стилизация (сумма стилистических показателей). Как непосредственная сегментная составляющая текста диктема транслирует адресату комплекс информации, в котором можно выделить целый ряд рубрик: информация коммуникативно-установочная, фактуальная, интеллективная, эмотивная, регистровая, эстетическая и др. [6]. В зависимости от содержательно-целевого типа диктемы на первый план выдвигаются те или иные типы информации. Поскольку художественный текст создается с целью возбуждения эстетического чувства адресата, ключевую роль в нем играет эстетическая информация.

Уникальные свойства диктемы позволяют рассматривать ее в качестве универсальной единицы перевода [7]. С диктемного уровня начинается возможность оценки адекватности перевода.

Проанализируем возможности применения диктемного анализа на примерах из новеллы «Тени весны» (The Shades of Spring) Д. Лоуренса, одного из знаковых британских авторов первой половины XX века. «Тени весны» – одно из ранних произведений автора, новелла вошла в сборник «Прусский офицер», впервые изданный в 1914 году. Следует отметить, что некоторые новеллы и рассказы Лоуренса все еще ждут своего переводчика, так как долгие годы произведения этого автора считались бесполезными для советского читателя. Перевод данной новеллы был опубликован в 1996 году издательством «Локид». Автор качественно выполненного перевода, к сожалению, неизвестен. Для удобства восприятия конец каждой диктемы в примерах отмечен штриховым знаком (//). В первом отрывке представлены наименования приемов пищи, которые традиционно относят к реалиям:

*"Have you had any **dinner**?" asked the daughter. //*

"No," replied Syson. "It is too early. I shall be back at half-past one." //

*"You call it **lunch**, don't you?" asked the eldest son, almost ironical. He had once been an intimate friend of this young man. //*

- Ты **обедал**? - спросила девушка. //
 - Нет, - ответил Сайсон. - Еще слишком рано. Я поеду обратно в половине второго. //
 - Это называется **ланч**, правда? - поинтересовался старший сын почти насмешливо.
 Когда-то он был близким другом этого человека. //

Данный отрывок представляет собой диалогическую (полилогическую) последовательность диктем (оккурсема – в терминологии М.Я. Блоха), ее компоненты направлены как бы навстречу друг другу. Оккурсема как репрезентативный компонент диалогического текста выделяется своей диалогической микротемой [4, с. 116]. В данном случае диалогической микротемой оказывается несоответствие между названиями полуденного приема пищи, принятыми в кругу Сайсона, и у его собеседников. Поэтому из предлагаемых словарями соответствий переводчик выбирает не приближенный перевод «обед» (многие словари именно его ставят на первое место), а транскрипцию. Поскольку местоимение you в оригинале явно не обобщенно-личное, а относится либо к Сайсону, либо к его кругу, более уместным представляется вариант: «У вас ведь это называется ланч (ленч)?» Но выбор переводчиком способа передачи самой реалии вполне адекватен. Расширенный контекст подтверждает наши предположения, так как слово dinner применительно к дневному приему пищи является индикатором принадлежности к рабочему классу. Средний класс называет этим словом вечерний прием пищи. Герой Лоуренса, преуспев в жизни, возвращается в родные места, но чувствует себя чужим, как чужака воспринимают его и люди и дают ему это понять.

В следующем отрывке герой обсуждает с бывшей возлюбленной причины своего отъезда:

"Yet," he said, "it was you who sent me the way I have gone." //

"I!" she exclaimed, in pride. //

*"You WOULD have me take the **Grammar School** scholarship — and you would have me foster poor little Botell's fervent attachment to me, till he couldn't live without me — and because Botell was rich and influential. You triumphed in the wine-merchant's offer to send me to Cambridge, to befriend his only child. You wanted me to rise in the world. //*

Однако, - продолжал он, - именно ты избавилась от меня. Ты отослала меня отсюда. //

- Я! - воскликнула она с гордостью. //

- Ты заставила меня получить стипендию средней школы, ты заставила меня лелеять пылкую привязанность ко мне бедного маленького Ботелли, пока он не мог обходиться без меня, - а все потому, что Ботелли был богатым и влиятельным. Ты торжествовала, когда торговец вином предложил отправить меня в Кембридж, чтобы сопровождать его единственного ребенка. Ты хотела, чтобы я поднялся выше по общественной лестнице. //

Отрывок представляет собой диалогическую последовательность диктем, раскрывающих диалогическую микротему доказательства причастности героини к отъезду героя. Очевидно доминирование эмотивной информации, передаваемой при помощи эфатической конструкции, графики, анафорических повторов и параллелизмов, а также лексически. И переводчик выбирает для передачи реалии приближенный перевод как прием, позволяющий максимально гладко, естественно встроить ее в текст, пусть и в ущерб колориту. Читатель не узнает нюансов, отличающих данный тип английской школы от российской средней школы, но контекст предложения и диктемы (получение стипендии, дальнейшее поступление в Кембридж) подскажет ему, что имеется в виду все не общедоступная школа.

Третий фрагмент иллюстрирует также проблему разграничения реалии и термина:

Syson was extraordinarily moved. He climbed the bank to the gorse bushes, whose sparks of blossom had not yet gathered into a flame. Lying on the dry brown turf, he discovered sprigs of tiny purple milkwort and pink spots of lousewort. What a wonderful world it was — marvellous, for ever new. He felt as if it were underground, like the fields of monotone hell, notwithstanding. Inside his breast was a pain like a wound. //

Сайсон был чрезвычайно взволнован. Он взобрался по насыпи к кустам утесника, искры которого еще не превратились в пламя. Он лег на сухой коричневый торф и обнаружил побеги маленьких фиолетовых растений и розовые пятна молочая. Что за чудесный мир это был - великолепный и всегда новый. Он же чувствовал себя точно в аду, пустынном и безбрежном. В груди его поселилась боль, появилась рана. //

Представленная в данном фрагменте монологическая последовательность диктем (кумулема – в терминологии М.Я. Блоха) раскрывает микротему противопоставления гармонии дивного мира природы и мучительной дисгармонии внутреннего мира героя. Оригинальный текст содержит три фитонима в пределах одной диктемы: *gorse* (утесник), *milkwort* (молочай), *lousewort* (мытник). Обращение к справочной литературе дает возможность установить, что только первый термин является одновременно и реалией, так как ареал произрастания утесника не включает Россию. Но насколько это важно? Можно с большой долей уверенности предположить, что все три фитонима равно мало знакомы большинству читателей. Семантическая нагрузка фитонимов, таким образом, невелика, но само их скопление в пределах одной диктемы выполняет важную стилистическую функцию характеристики главного героя (примечательно, что полный текст небольшой по объему новеллы содержит 26 фитонимов и 17 орнитонимов, из которых лишь немногие являются реалиями). Читатель понимает, что покинутый героем мир, когда-то знакомый и родной до последней травинки, не перестал быть знакомым, но перестал быть для него родным. Таким образом, выбранный переводчиком способ передачи реалии-термина словарным соответствием-эквивалентом является адекватным (к сожалению, перевод второго и третьего фитонимов адекватным назвать нельзя).

Как видно, тематическая и стилистическая характеристики собираются от диктемы к диктеме и отображаются в целом тексте, что позволяет оценивать адекватность переводческого решения на различных уровнях.

Ссылки / Reference

- [1] Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь: 3-е изд., перераб. М.: Флинта, Наука, 2003. 320 с.
- [2] Томахин Г. Д. Реалии-американизмы. М.: Высшая школа, 1988. 239 с.
- [3] Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М.: Международные отношения, 1980. 343 с.
- [4] Блох М. Я. Теоретические основы грамматики. М.: Высшая школа, 2000. 160 с.
- [5] Блох М. Я. Диктема в уровневой структуре языка // Вопросы языкознания. 2000. № 4. С. 56-67.
- [6] Блох М. Я. Теория уровней языка и диктема // Слово в предложении: колл. монография. Иркутск: ИГЛУ, 2010. С. 12-33.
- [7] Блох М. Я. Эквивалентность и адекватность в переводческой проблематике // Новое в переводоведении и лингвистике. Материалы научно-практической конференции. Орехово-Зуево: МГОГИ, 2012. С. 3-7.